

DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-129-137
УДК 346.7

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сидоренко Элина Леонидовна, *д-р юрид. наук, профессор, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций МГИМО МИД России, руководитель рабочей группы Госдумы РФ по оценкам рисков оборота криптовалюты, заведующий лабораторией криминологического анализа и прогнозирования ИЗИСП при Правительстве РФ*
12011979@list.ru

Основное внимание в работе уделено определению правового статуса криптовалюты в рамках действующего российского законодательства. *Предмет исследования* – основные научно-практические подходы к определению объекта гражданских прав и предмета корыстных преступлений в точки зрения их адаптивности к криптовалютам. *Цели работы* – поиск универсального алгоритма разрешения гражданско-правовых споров, связанных с оборотом криптовалюты, и квалификация хищения (мошенничества, кражи) виртуальной валюты.

Посредством использования исторического, сравнительно-правового и диалектического методов, а также метода контент-анализа проведены параллели между криптовалютами и отдельными объектами гражданских прав (вещью, имущественными правами, иным имуществом) и предложены возможные варианты квалификации действий, связанных с безвозмездным изъятием криптовалюты. Кроме того, в работе приведен анализ подготовленных Минфином России и ЦБ РФ законопроектов и изложено авторское видение перспектив легализации криптовалюты как объекта гражданских прав.

Ключевые слова: криптовалюта; токен; правоотношения; предмет хищения; имущество; цифровая экономика; цифровые технологии; блокчейн.

The Legal Status of Cryptocurrencies in the Russian Federation

Sidorenko Elina L., *ScD (Law), full professor, Director of the Digital Economics and Financial Innovation Center of the Moscow State Institute of International Relations under the Russian Ministry of Foreign Affairs, Head of the Russian State Duma Working Group on the Risk Assessment of the Cryptocurrency Turnover, Head of the Criminological Analysis and Forecasting Laboratory of the IL&CL under the Government of the Russian Federation*
12011979@list.ru

The paper focuses on the definition of the legal status of the cryptocurrency in the framework of the current Russian legislation. *The subject of the research* is the principal scientific and practical approaches to determining the object of civil rights and the object of acquisitive crimes in terms of their adaptability to cryptocurrencies. *The purposes of the work* were the search for a universal algorithm for resolving civil disputes related to the turnover of the crypto currency, and the qualification of the virtual currency theft (fraud).

By using historical, comparative legal and dialectical methods as well as the content analysis method parallels between cryptocurrencies and individual objects of civil rights (a thing, property rights, other property) were drawn, and a number of options for qualifying the actions related to the non-repayable withdrawal of the cryptocurrency were proposed. Finally, the paper analyzes the draft laws prepared by the RF Ministry of Finance and the Central Bank of the Russian Federation and presents the author's vision of the prospects for legalizing the cryptocurrency as an object of civil rights.

Keywords: cryptocurrency; token; legal relationship; object of theft; property; digital economy; digital technologies; blockchain.

Активное развитие новых цифровых технологий ставит перед законодателем задачу создания качественно новой модели их правового регулирования и минимизации криминологических рисков. Но на настоящий момент государства не только не решили эту задачу, но даже не приблизились к пониманию ее значимости. Об этом свидетельствует отсутствие единого подхода к установлению юридической природы криптовалют, общих стандартов противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в сфере их оборота (далее — ПОД/ФТ) и универсальной стратегии построения системы ввода виртуальной валюты в фиатную валюту.

А потому сейчас как никогда ранее важно отказать от рассмотрения виртуальной валюты в контексте обсуждения категорий «добро и зло», «можно и нельзя», «за и против» и постараться проанализировать, насколько отечественное законодательство готово к восприятию нового финансового инструмента.

Гражданско-правовое определение криптовалюты и токенов

В современных научных исследованиях виртуальная валюта рассматривается преимущественно в рамках исследования объектов гражданских прав. Однако, несмотря на разнообразие и широту предлагаемых позиций, ни ученым, ни практикам не удалось достигнуть единого понимания того, к какому объекту гражданских правоотношений относится криптовалюта, и допустимо ли вообще рассматривать ее как предмет гражданских правоотношений.

Одни авторы настаивают на признании криптовалюты вещью, другие видят в ней имущественные права, третьи придают ей статус иного имущества. Считая излишним детальный анализ существующих позиций, обратимся к оценке существенных признаков объектов гражданских прав.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные

денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

На настоящий момент судебная практика выработала ряд устойчивых признаков предмета гражданских правоотношений. Обозначим основные из них:

- *отсутствие четкой зависимости между физическими и правовыми свойствами вещи.* Одинаковым статусом могут обладать как предметы, имеющие индивидуально-определенные физические параметры, так и объекты со специфическими формами визуализации. Вещные права на них возникают не из-за их физических свойств, а в силу потребностей общества в их регулировании (например, энергия, газ, микроорганизмы, органы и ткани человека и др.). Как справедливо отмечает С. А. Сеницын, «признанное законодательством качество и свойство вещи как объекта гражданских прав предопределены совокупностью факторов: потребностями гражданского оборота, физическими свойствами самой вещи, законодательной регламентацией и причислением отдельных объектов к видам вещей (пусть и особого рода). Именно потребности оборота являются фактором вынужденного распространения на объекты гражданских прав, не являющихся по своей сути вещами, правового режима вещи, включая и правовые последствия ее оборота» [1].

Как нам видится, автор верно уловил главные свойства вещи — ее востребованность и необходимость в гражданско-правовом регулировании. А это значит, что та или иная сущность приобретает статус вещи, если она признается таковой де-юре и вводится в легальный гражданский оборот. Иначе говоря, если то или иное явление не получило правового выражения, оно не может признаваться вещью. Подтверждением данного вывода служит решение Верховного суда Российской Федерации не признавать самовольное строение вещью ввиду того, что оно «не введено в гражданский оборот и не может в нем участвовать: с ним нельзя совершать какие-либо гражданско-правовые сделки, право

на него не может быть установлено и зарегистрировано»¹.

Таким образом, можно заключить, что в современном российском праве криптовалюта не может быть признана вещью на том основании, что ее статус не получил легального выражения. На том же основании ее нельзя отнести и к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам. Долгое время ученые предлагали признавать безналичные деньги вещами, но в ст. 128 ГК РФ они получили статус самостоятельных объектов гражданских прав, что стало лишним подтверждением их особых экономических свойств;

- *необходимость обладания всеми объектами гражданских прав признаком оборотоспособности* (ст. 129 ГК РФ). Это означает, что объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте. Наличие режима ограниченности гражданского оборота дало исследователям повод говорить о криптовалюте как об объекте гражданских прав, ограниченном в обороте [2]. Однако с этой позицией сложно согласиться на том основании, что ограниченность оборота того или иного имущества должна быть закреплена в законе.

В постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 26.11.2012 по делу № А28-9032/2011 «виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению (объекты, ограниченно оборотоспособные), определяются в порядке, установленном законом». По мнению суда, это означает, что в законе должны предусматриваться исходные критерии отнесения объектов к ограниченно оборотоспособным и указываться государственные органы, уполномоченные определять конкретные их виды: шифровальная техника, радиоактивные вещества, яды и наркотические средства и т.д.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда 06.07.2016 // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2017. № 1, январь, (извлечения).

В отличие от предметов с особым режимом оборота, криптовалюта не закреплена в законе в качестве объекта гражданских прав, а значит, не обладает оборотоспособностью. В этом смысле она приближена к объектам, изъятым из оборота, поскольку не может быть оценена в денежной сумме. Согласно постановлению ФАС Поволжского округа от 24.05.2010 по делу № А57-5480/2009 «изъятые из оборота вещи не могут каким-либо образом отчуждаться или переходить от одного лица к другому, а следовательно, такие вещи не могут иметь и товарную (денежную) стоимость, определяемую потребительскими свойствами товара»;

Та или иная сущность приобретает статус вещи, если она признается таковой де-юре и вводится в легальный гражданский оборот. Иначе говоря, если то или иное явление не получило правового выражения, оно не может признаваться вещью

- *согласно логике закона возникновение имущественных прав только в случае установления круга обязанных и управомоченных лиц.* И хотя в перечень имущественных прав включается вещное право (например, правомочия собственника), судьи рассматривают их в рамках обязательственного права² как правомочие, обладающее определенной материальной ценностью и способное самостоятельно участвовать в гражданском обороте.

По сути, имуществом признается право требования, которое может переходить другим лицам в порядке либо частного, либо универсального правопреемства. В этом контексте криптовалюту сложно признать имуществом правом, поскольку невозможно определить круг обязанных лиц.

² На это, в частности, указывает ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации, относящая к объекту налогообложения имущество, за исключением имущественных прав.

Нелегко признать криптовалюту и вещным правом на том основании, что в данном случае отсутствует возможность непосредственного воздействия на вещь;

• трактовка закрепленного в ст. 128 ГК РФ понятия «иное имущество» в отсутствие его легальной дефиниции, позволяющая некоторым специалистам неоправданно расширять его границы. В частности, нельзя согласиться с А.И. Савельевым в том, что квалификацию криптовалюты в качестве иного имущества можно сравнить с квалификацией непоименованного договора: она позволяет легитимировать договор [3]. Автор, однако, оставляет без внимания одно весьма существенное свойство иного имущества — оно имеет особый режим оборота, прописанный в отдельных нормативных актах (например, электронная энергия, радиочастотный спектр и др.). Если же такой режим отсутствует, объект не может быть признан иным имуществом. В этой связи весьма показательным является постановление ФАС Северо-Западного округа от 09.11.2007 № А56–50410/2005: «Отказывая в удовлетворении иска о признании права собственности на футбольное поле с газонным покрытием и предохранительную зону, суд пришел к выводу, что указанные объекты в отсутствие их особого режима оборота не могут быть самостоятельными объектами права и являются принадлежностью соответствующего земельного участка».

На основании вышеизложенного следует признать, что предметами гражданских правоотношений считаются объекты, если они отвечают следующим признакам:

- 1) полная либо частичная регламентация их имущественных свойств на нормативном уровне;
- 2) оборотоспособность или способность участвовать в легальном гражданском обороте;
- 3) наличие общего или специального правового режима, который предусматривает регламентацию прав субъектов правоотношений, механизмы их регулирования и защиты.

Преломляя эти признаки под свойства криптовалюты, можно заключить, что она не является ни вещью, ни имущественным правом, ни иным

имуществом и, следовательно, не может быть признана объектом имущественных прав де-юре.

Данный подход уже давно вышел за рамки теории и прочно укрепился в судебной практике. Так, согласно утверждению суда к объектам гражданских прав не может относиться налог (постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29.04.2015 № Ф02–1313/2015 по делу № А33–8699/2014), так как он не приравнивается к имущественным правам, посевам сельскохозяйственных культур (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2014 № 18АП-5837/2014 по делу № А07–22617/2013) ввиду отсутствия правового режима незавершенного производства, а также самовольные строения [обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016] ввиду нарушения режима регистрации имущества и др.

Очевидно, что и криптовалюта не может быть объектом гражданских прав ввиду отсутствия правовых гарантий участников сделки.

Так, в 2014 г. был заключен договор купли-продажи между ИП Абрамовым А.С. и ООО «Виктория». Вопрос о криптовалютах в процессе появился тогда, когда к нему было привлечено третье лицо — сингапурская компания *Magna Trading Ltd*. Как утверждалось, Абрамов А.С. занял у иностранной фирмы 5 млн сингапурских долларов для покупки недвижимости в Хабаровском крае, однако в положенный срок деньги не отдал. В суде Абрамов А.С. заявил, что заем он вернул посредством перевода в криптовалюте. Этот довод судом был оценен критически, поскольку он «не подтверждает факта оплаты денежных средств ответчику по договору займа». Позднее вступившим в силу решением Арбитражного суда Дальневосточного округа было окончательно закреплено: криптовалюта и виртуальная валюта не расцениваются судами как деньги⁵, а обязательства Абрамова А.С. не считаются выполненными.

Уголовно-правовой статус криптовалют

От гражданско-правового определения виртуальной валюты напрямую зависит ее статус

⁵ Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/eUG5e32Mk8dp>.

как предмета и средства преступного посягательства.

К сожалению, в настоящее время не ведется официальной статистики преступлений, совершенных с использованием криптовалют, но даже имеющихся отрывочных данных достаточно для того, чтобы говорить о стремительном увеличении оборота наркотиков и порнографии в тене-вом Интернете с использованием криптовалюты.

По некоторым экспертным оценкам, «если в 2014 г. органами наркоконтроля был установлен один факт приобретения наркотиков за биткоины, то уже в 2015 г. об этом имелась информация более чем по 20 субъектам Российской Федерации, расположенным в шести федеральных округах»⁴.

Согласно данным Центра цифровой экономики и финансовых инноваций МГИМО МИД России в настоящее время при покупке наркотиков и порнографии преимущественно используется криптовалюта (90%), а только затем — платежные системы с анонимными кошельками.

Криминальное использование виртуальной валюты объясняется не только ее технологическими особенностями, но и трудностями квалификации преступлений.

Можно выделить два принципиально разных подхода к определению криптовалют в уголовном праве:

- виртуальная валюта как средство совершения преступления;
- виртуальная валюта как предмет преступного посягательства.

К счастью, судебная практика не испытывает серьезных трудностей с квалификацией оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также порнографии с использованием виртуальной валюты. Это объясняется тем, что объективную сторону составов преступлений согласно ст. 228–229.1, 242 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) образуют действия лиц по обороту данных предметов. Что же касается криптовалюты, то проведенная в блокчейне транзакция рассматривается как доказательство перехода предмета преступления от одного лица к другому, а крупный размер определяется количеством (свойствами)

наркотиков (психотропных веществ, прекурсоров и др.), а не суммой криптовалюты.

Намного сложнее определить правовой статус криптовалюты как предмета преступного посягательства. К числу преступлений, в которых виртуальная валюта является предметом преступления, относятся хищения (кража, грабёж, разбой, мошенничество) и вымогательство.

Как обоснованно отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб».

Фактически высшая судебная инстанция вопрос об уголовно-правовом статусе криптовалюты поставила в зависимость от ее определения в гражданском праве.

Этот подход уже нашел отражение в судебной практике. Рязжский районный суд (Рязанская область) рассмотрел иск местного жителя к ИП Бояркину Р.В. Истец перевел на сервер, принадлежащий Бояркину Р.В., криптовалюту, но взамен получил в рублях гораздо меньшую сумму, чем было положено. Суд при вынесении решения отметил, что «поскольку в Российской Федерации отсутствует какая-либо правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в „виртуальной валюте“, в частности в биткоинах, а также отсутствует какое-либо правовое регулирование торговых интернет-площадок, биткоин-бирж, все операции с перечислением биткоинов производятся их владельцами на свой страх и риск»⁵. И хотя речь идет о гражданско-правовом споре, суд однозначно дает понять, что криптовалюта, не

⁴ Сайт информационного агентства ТАСС. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/3890267>.

⁵ Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l>.

являясь объектом гражданских прав, не может рассматриваться и как предмет мошенничества.

Не меньше вопросов вызывает оценка криптовалюты как предмета кражи. По экспертным оценкам, в настоящее время все чаще виртуальная валюта похищается из криптокошельков, но правоохранительные органы, как правило, отказывают в возбуждении уголовного дела, мотивируя это тем, что отсутствует предмет посягательства и, следовательно, состав кражи.

С этим аргументом можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, отсутствие у криптовалюты статуса объекта гражданских прав не позволяет говорить о нарушении охраняемых законом гражданско-правовых отношений и оценивать ее в денежном эквиваленте. С другой стороны, одной из задач уголовного законодательства является предупреждение совершения преступлений, и квалификация хищений криптовалюты не должна оставаться вне рамок уголовно-правового регулирования.

В той связи можно выделить три основных подхода к квалификации хищения криптовалюты:

- **алгоритм «виртуальная игра».** Суть его заключается в том, что по своим юридическим признакам криптовалюта приравнивается к валюте виртуальных игр.

Капитализация «игровых валют» более не позволяет рассматривать их как нечто, индифферентное праву. Так, только у ролевой онлайн-игры *Everquest* объем виртуальной собственности равняется реальному ВВП Болгарии, а курс игровой валюты к курсу доллара США составляет 0,0107, т.е. больше, чем у многих реальных валют [4]. В отдельных играх, например в *Second Life*, заработанные игроком цифровые активы можно обменять на реальные деньги. Выход игровых денег из виртуального пространства заставил юристов задуматься об их правовой природе.

В современной цивилистике обозначились три основных подхода:

- 1) невключение игровой валюты в число объектов гражданского права;
- 2) применение норм о результатах интеллектуальной деятельности;
- 3) рассмотрение игровой валюты в качестве иного имущества.

Несмотря на разнообразие перечисленных выше подходов, ни один из них нельзя признавать

в достаточной степени аргументированным. Более обоснованным представляется рассмотрение игровой валюты в рамках обязательственных отношений, возникающих между игроками и регулируемых в рамках непоименованного договора, а именно: пользовательского соглашения. В этом контексте права участников получают правовое выражение, а сама валюта может рассматриваться как имущественное право.

Но предлагаемый подход, приемлемый для гражданского права, теряет свою значимость при квалификации преступлений.

Рассмотрим в качестве примера дело *М.Е.А.* В целях реализации преступных намерений *М.Е.А.* приобрел файл, содержащий информацию о логине и пароле электронного почтового ящика (марка обезличена) игрока виртуальной игры *Е.В.В.* Действуя умышленно, из корыстных побуждений *М.Е.А.* изменил не установленный следствием пароль в личном кабинете электронного почтового ящика (марка обезличена), похитив игровую валюту пользователя.

Суд, квалифицируя данные действия, указал, что виновный не похитил имущество потерпевшего, а модифицировал без ведома и против воли владельца личного кабинета пароль электронного почтового ящика, т.е. совершил действие, предусмотренное ст. 272 УК РФ, — «неправомерный доступ к компьютерной информации»⁶.

При отсутствии правового статуса криптовалюты рассмотрение ее хищения сквозь призму компьютерных преступлений видится более чем возможным. Согласно методическим рекомендациям Генеральной прокуратуры Российской Федерации объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, включает действие, состоящее в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации (информации ограниченного доступа); последствие (альтернативно) в виде уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации и причинно-следственную связь между указанным действием и любым из названных последствий⁷.

⁶ Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8fOX00Qg7g5Q>.

⁷ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, утвержденные

Если принять во внимание, что криптовалюта похищается с цифровых кошельков и неизбежно влечет изменение информации (в том числе баланса кошелька), говорить о наличии состава неправомерного доступа к компьютерной информации возможно. В этих случаях действия похитителей могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности.

Будучи приемлемым при оценке кражи криптовалюты, этот подход не выдерживает критики в случае мошенничества и вымогательства, поскольку модификация информации осуществляется не виновным, а владельцем кошелька;

- **алгоритм «легитимационный знак».** В отличие от ранее изложенного варианта, этот подход позволяет квалифицировать все виды хищений, но только на стадии их приготовления или покушения. В научных работах стало появляться указание на токен как на легитимационный знак, но исключительно в контексте окрашенных монет [5].

Что же касается уголовного права, то в нем понятие «легитимационный знак» рассматривается не столько в контексте гражданского права, сколько в плоскости установления этапа преступной деятельности.

По общему правилу, легитимационные знаки, т.е. номерные жетоны гардеробов и камер хранения, иные знаки, удостоверяющие прием вещей на хранение, карточки банковского клиента и т.п., а также документы, предоставляющие право на получение чужого имущества, но при этом не являющиеся ценными бумагами (например, документы на доступ к банковскому сейфу, ломбардные квитанции), не являются предметами хищения, но их неправомерное изъятие предлагается квалифицировать как приготовление к мошенничеству.

И хотя этот подход поддерживается не всеми криминалистами [6], он с успехом применяется в судебной практике. Если документы не являются средством платежа, похищались с целью получения по ним в дальнейшем имущества или

денежных средств, содеянное должно квалифицироваться как приготовление к мошенничеству. Если же виновный получил имущество, то его действия квалифицируются как оконченное хищение.

Вопрос заключается в том, где проводится грань между окончанным и неоконченным преступлением. Можно ли говорить о том, что хищение окончено в момент конвертации криптовалюты в фиатные деньги. И как правоохранительные органы должны устанавливать этот факт? Эти вопросы кажутся неразрешимыми, если учитывать, что электронные кошельки анонимны, а криптобиржи не являются участниками легитимных гражданско-правовых отношений в Российской Федерации;

- **алгоритм «суррогаты денег».** При таком подходе криптовалюта приравнивается к предъявительским документам, заменяющим деньги при расчетах за определенные товары или услуги: абонементные книжки, жетоны для оплаты и др.

В отличие от легитимационных знаков, хищение данных документов рассматривается как оконченное преступление. Об этом, в частности, говорится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.1980 № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте»: «Действия лиц, совершивших хищение талонов на горючее и смазочные материалы, которые непосредственно дают право на получение имущества, а равно хищение абонементных книжек, проездных и единых билетов на право проезда в метро и на других видах городского транспорта, находящихся в обращении как документы, удостоверяющие оплату транспортных услуг, независимо от использования похищенных знаков по назначению или сбыта их другим лицам, должны квалифицироваться как оконченное преступление». Это же положение было воспроизведено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества».

В силу большого разнообразия денежных суррогатов советский подход к квалификации их

Генпрокуратурой России. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2014).

хищения уже не может быть признан универсальным.

Условно можно выделить:

- 1) номинальные денежные суррогаты (подарочные карты);
- 2) премиальные документы;
- 3) дисконтные карты и скидочные купоны.

В первом случае хищение суррогатов будет оцениваться как оконченное преступление, во втором — как приготовление к мошенничеству; в третьем — как приготовление к причинению имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Кроме того, неясно, к какой группе можно отнести криптовалюту, если учесть, что она имеет самостоятельный курс и в отдельных случаях может сама выступать средством расчетов.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время квалификация хищения криптовалюты затруднена ввиду отсутствия ее легального статуса как объекта гражданских прав. Наиболее обоснованным вариантом решения проблемы представляется использование алгоритма «легитимационный знак», позволяющего квалифицировать хищение криптовалюты как приготовление к хищению денежных средств.

Перспективы правовой регламентации статуса криптовалюты

В целях регулирования сферы блокчейн-технологий в конце 2017 — начале 2018 г. было предложено несколько проектов федеральных законов:

- проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах»⁸;
- проект ЦБ РФ «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»⁹;
- проект ЦБ РФ «О цифровых финансовых активах»¹⁰;

⁸ Сайт Минфина России. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?group_type=&q_4=%D0%BE+%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85+%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85+%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%85&DOCUMENT_NUMER_4=&M_DATE_from_4=&M_DATE_to_4=&P_DATE_from_4=&P_DATE_to_4=&t_4=795085380&order_4=P_DATE&dir_4=DESC.

⁹ Сайт ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_02.pdf.

¹⁰ Сайт ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_01.pdf.

- проект Минкомсвязи России о легализации майнинга с механизмом специального обнаружения майнеров по структуре потребления тока и интернет-трафика¹¹.

В законопроектах предложено разграничить правовой статус криптовалют и токенов, определять смарт-контракт как договор, создать институт краудинвестинга и детализировать порядок проведения ICO (оферта компании-эмитента, регистрация токенов, идентификация пользователей-приобретателей), а также ввести ограничения на оборот криптовалюты (согласно предложению Минфина России открыть пилотные площадки в отдельных регионах, в соответствии с предложением ЦБ РФ — полностью запретить оборот криптовалюты и токенов на территории Российской Федерации, за исключением токенов, эмитированных российскими компаниями).

Принятие рамочного закона с детализацией признаков криптовалюты позволит закрепить за ней статус объекта гражданских прав и решить большинство правовых коллизий.

Куда более сложным является вопрос о том, следует ли выделять криптовалюту в качестве отдельного вида имущества и стоит ли проводить различия между ней и иными токенами.

Несомненно, криптовалюта обладает рядом устойчивых экономических и технических характеристик, выделяющих ее из разряда других объектов гражданских прав. В этой связи закономерным будет ее закрепление в ст. 128 ГК РФ в качестве отдельной правовой категории наряду с электронными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами [7, 8].

Значительно сложнее оценить целесообразность отделения криптовалюты от токенов. С одной стороны, криптовалюта технологически и есть токен, т.е. продукт технологии распределенного реестра (блокчейна). С другой стороны, в отличие от токена, заключающего в себе обязательственное право требования, криптовалюта связана с вещным правом и в этом смысле больше приближена к фиатной валюте.

¹¹ Сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/01/26/749044-viyavlyat-mainerov-pochetam>.

Важно заметить, что предлагаемое разграничение уже давно вышло за рамки теории: в Японии регулируются два вида виртуальных активов: валюты первой и второй групп. Примером криптовалюты является биткоин. Любые другие виртуальные валюты, которые можно приобрести за биткоины у неопределенного круга лиц, но практически не используемые иным способом, являются токенами. Иначе говоря, если первые являются предметом абсолютных правоотношений, то вторые — относительных, где праву обладателя имуществен-

ной ценности корреспондирует обязанность эмитента токена¹².

Полагаем, что этот подход должен быть воспринят российским правом. Но для этого недостаточно разработки рамочного закона. Куда более важными являются закрепление в ст. 128 ГК РФ понятия криптовалюты и детальное определение гражданско-правовых признаков токена как имущественного права или бездокументарной ценной бумаги.

¹² 片岡義広, FinTechの現状と法的課題 (第4回) 仮想通貨の規制法と法的課題 (下) \\ NBL (New business law) (vol. 1077), pp. 82–89.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синицын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.
2. Воронцова А. А. Гражданский оборот // СПС КонсультантПлюс. 2018.
3. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.
4. Архипов В. В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.
5. Булгаков И. Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. № 12. С. 80–88.
6. Токарчук Р. Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 78–83.
7. Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 6. С. 147–155.
8. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право 2016. № 3 (57). С. 193–197.

REFERENCES

1. Sinitsyn S. A. The thing as an object of civil rights: possible and proper identification criteria [Veshch' kak ob»yekt grazhdanskikh prav: vozmozhnyye i dolzhnyye kriterii identifikatsii]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika — Legislation and economics*, 2016, No. 1, pp. 7–17.
2. Vorontsova A. A. Civil turnover [Grazhdanskiy oborot]. URL: <http://www.consultant.ru>, 2018.
3. Savelyev A. I. Crypto currency in the system of civil rights objects [Kriptovalyuty v sisteme ob»yektov grazhdanskikh prav]. *Zakon — Law*, 2017, No. 8, pp. 136–153.
4. Arkhipov V. V. Virtual property: systemic legal problems in the context of the development of the computer games industry [Virtual'naya sobstvennost': sistemnyye pravovyye problemy v kontekste razvitiya industrii komp'yuternykh igr]. *Zakon — Law*, 2014, No. 9, pp. 69–90.
5. Bulgakov I. T. Legal issues of using blockade technology [Pravovyye voprosy ispol'zovaniya tekhnologii blokcheyn]. *Zakon — Law*, 2016, No. 12, pp. 80–88.
6. Tokarchuk R. E. Gaps and excesses of the criminal legislation of the Russian Federation, concerning some forms of theft. Ways to eliminate them [Probely i izlishestva ugovnogo zakonodatel'stva RF, kasayushchiesya nekotorykh form khishcheniya. Puti ikh ustraneniya]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal — Russian legal journal*, 2014, No. 3, pp. 78–83.
7. Sidorenko E. L. Criminological risks of the turnover of the crypto currency [Kriminologicheskiye riski oborota kriptovalyuty]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo — Economy. Taxes. Law*, 2017, No. 6, pp. 147–155.
8. Sidorenko E. L. Crypto currency as a new legal phenomenon [Kriptovalyuta kak novyy yuridicheskiy fenomen]. *Obshchestvo i pravo — Society and law*, 2016, No. 3 (57), pp. 193–197.